

Н. П. Ламбин

**Объяснение сказаний
Нестора о начале Руси**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л21

Л21 **Ламбин Н.П.**
Объяснение сказаний Нестора о начале Руси / Н. П. Ламбин – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 50 с.

ISBN 978-5-458-07357-8

На статью профессора Н.И. Костомарова "Начало Руси", помещенную
в "Современник" 1, 1860 г. Возражение учителя Н. Ламбина. Печатать поз-
воляется, цензор А. Ярославцев.

ISBN 978-5-458-07357-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О НАЧАЛѢ РУСИ. (*)

«Только нахальное невѣжество глумится надъ авторитетами, точно такъ, какъ ограниченная бездарность имъ рабоблѣнствуетъ. Рабоблѣнство предъ ученымъ должно оскорбить его память, если онъ умеръ, или заслужить презрѣніе, если онъ живъ.»
. «Я увѣренъ, что пересталъ бы уважать самого себя и потерялъ бы ваше уваженіе, если бы побоялся вашего авторитета, чтобы высказать собственныя свои убѣжденія.»

Слова г. Костомарова. (Диспутъ, стр. 288).

На родство съ варяго-руссами, загадочными основателями Русскаго государства, претендовали и финны, и шведы, и датчане, и фрисландцы, и разныя поколѣнія славянскія, и пруссы, и хозары, и турки, и—кажется, еще какіе-то народы. Отъ имени каждаго изъ нихъ предстали предъ верховнымъ трибуналомъ, называемымъ Исторіей, болѣе или менѣе искусные, но равно усердныя и горячіе адвокаты, и затѣяли борьбу нешуточную, которая длилась чуть ли не болѣе столѣтій—отъ Татищева и Байера до гг. Погодина и Кувика включительно. Хотя уже съ самаго начала побѣда видимо склонялась на сторону поборниковъ норманскаго, и именно шведскаго происхожденія варяговъ-руси, однако противники ихъ не унывали: падалъ одинъ, выступалъ другой, и борьба длилась. Особенною рьяностію отличались тѣ изъ нихъ, которые стремились, во что бы то ни стало, провозгласить Рюрика

(*) Эта статья была 18 марта, за два дня до диспута гг. Погодина и Костомарова, вручена редактору одного изъ наиболѣе самостоятельныхъ петербургскихъ журналовъ, съ просьбою увѣдомить въ возможной скорости, можетъ ли она быть напечатана въ его журналѣ. Обѣщавъ дать отвѣтъ не позже вторника (22 марта), г. редакторъ не ранше четверга объявилъ, что онъ согласенъ напечатать эту статью, но только съ пропускомъ нѣкоторыхъ мѣстъ, и просилъ дать сроку еще до понедѣльника (28 марта), чтобы отмѣтить тѣ мѣста, которые онъ находитъ лишними... Въ понедѣльникъ авторъ взялъ свою статью обратно и рѣшился издать ее отдѣльною брошюрою, дополнивъ нѣкоторыми примѣчаніями касательно мнѣній, высказанныхъ на диспутѣ, который уже напечатанъ въ «Современникѣ» № 3, 1860 г.

и его спутниковъ славянами чистѣйшей крови. Опираясь на ложно понимаемый патріотизмъ, льстя національному самолюбію, они смущали многихъ, и гордо держали славянское знамя. Но трибуналъ не вѣрилъ ихъ восторженнымъ мечтаніямъ, требовалъ ясныхъ доказательствъ, законныхъ документовъ... Тогда-то изъ шумнаго ихъ лагеря выступили неистовые скептики, съ яростію напали на Нестора, на лѣтописи, объявили все сомнительнымъ, подложнымъ, фальшивымъ. Но, разрушая и уничтожая все, они скоро погребли и самихъ себя подъ грудой развалинъ. Наконецъ и славянисты выбились изъ силъ, запутались въ лабиринтъ своихъ фантазій, и хотя не умолкли еще, но, по-крайней мѣрѣ, отказались отъ варяговъ и руси, предоставивъ ихъ въ добычу соперникамъ, которыхъ съ досады обругали скандинавоманами. — Ну, слава Богу! сказали судьи, подписавъ приговоръ и сдавъ дѣло въ архивъ для храненія. Слава Богу! повторили и зрители, которымъ этотъ столѣтній процессъ успѣлъ уже надоѣсть порядкомъ...

Съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ 15. Побѣдители торжествовали, о прежнихъ спорахъ не было и помину. Появилась, правда, не далѣе какъ въ прошломъ году, какая-то книжонка, трактовавшая о славянинѣ Рюрикѣ, родомъ, никакъ, изъ Старой Руссы, но она, кажется, уже канула въ Лету, не вызвавъ ни малѣйшей зыби на ея сонной поверхности. Заглянувъ, какъ-то недавно, въ эту книжонку, заинтересовавшую насъ своимъ заглавіемъ, мы было подумали, что въ наше время подобныя мечтанія славянофиловъ возможны только при совершенномъ незнакомствѣ съ лѣтописью, съ наукою, но что они никого изъ людей мыслящихъ не могутъ уже сбить съ толку; мы были вполне увѣрены, что мнѣніе о норманскомъ происхожденіи варяговъ-руси, признанное и утвержденное всѣмъ ученымъ міромъ, есть уже неотъемлемое достояніе науки, что это истина, въ которой, по-крайней-мѣрѣ, никто изъ ученыхъ, спеціально занимающихся отечественною исторіей, усомниться не можетъ. Но, никакъ, мы ошиблись...

Въ № 1-мъ «Современника» нынѣшняго года (стр. 5—32) появилась статья г. Костомарова «Начало Руси», съ сентиментальнымъ эпиграфомъ изъ литовской пѣсни, воспѣвающей о стремленіи сердца въ село Русь, гдѣ растеть цвѣточекъ. Цѣль этой статьи, какъ видно уже изъ самаго эпиграфа, — доказать, что Рю-

рикъ былъ не норманнъ, не шведъ, а литовець изъ поколѣнія жмуди.

Г. Костомаровъ пользуется почетною извѣстностію не только въ ученomъ кругу, но и у всей читающей публики, а потому понятно, что новая статья его должна была возбудить говоръ и толки. — «Читали вы статью о началѣ Руси?» — «Какъ вы о ней думаете?» — «Не угрожаетъ ли она переворотомъ?» — вотъ вопросы, которые мы слышали уже отъ многихъ. Даже сляціе на школьныхъ скамьяхъ уже встревожились, воображая, что имъ предстоитъ новый трудъ. «Не даромъ ли» — спрашиваютъ они — «потратили мы время на изученіе норманскаго элемента и его вліянія на русское государство?» — «Не придется ли намъ переучивать все начало русской исторіи?» А въ некоторые изъ нихъ даже замѣчали намъ, что новое мнѣніе о началѣ Руси кажется имъ естественнѣе прежняго! И не одни учащіеся такъ думаютъ. Въ томъ же № 1-мъ «Современника» рецензентъ уже посмѣивается надъ г. Погодинымъ, по поводу его сочиненія «Норманскій періодъ русской исторіи», и, превознося статью г. Костомарова, какъ-бы предсказываетъ паденіе прежняго и торжество новаго мнѣнія о началѣ Руси. «Что теперь сдѣлаетъ г. Погодинъ?» — спрашиваетъ рецензентъ. «Всего обиднѣе то», продолжаетъ онъ, «что г. Костомаровъ и знать не хочетъ *варяговъ*, на имени которыхъ г. Погодинъ основалъ половину своихъ доказательствъ. — Мало ли кто звался варягами, говоритъ новый изслѣдователь; — намъ нужны только тѣ изъ нихъ, которые назывались *Русью*. — И въдѣ справедливо и убѣдительно: прочтите сами»... «Кто внимательно прочтетъ «Начало Руси», г. Костомарова, тотъ увидитъ», полагаетъ г. рецензентъ, «что онъ стоитъ гораздо ближе къ истиннымъ воззрѣніямъ, нежели г. Погодинъ съ своимъ *математическимъ* методомъ».

Вотъ, съ какимъ шумомъ появилась статья г. Костомарова. Она, очевидно, выражаетъ собою апелляцію къ публикѣ на приговоръ ученыхъ иѣмцевъ по дѣлу о началѣ Руси; такъ поняли ее и «Санктпетербургскія Вѣдомости» (№ 48, 1860), которыя вызываютъ уже «Норманнофиловъ» къ отвѣту. Этотъ вызовъ до насъ-собственно не касается, наше дѣло — сторона: мы не участвовали ни въ спорахъ, ни въ постановленіи приговора о норманствѣ Руси, мы не связаны никакимъ печатно-высказаннымъ

мнѣніемъ по этому вопросу. Но мы уже 25 лѣтъ преподаемъ Отечественную Исторію, и ежегодно болѣе сотни учащихся слышало отъ насъ, что Рюрикъ былъ норманнъ; всѣ они въ правѣ теперь потребовать насъ къ отвѣту за это мнѣніе, и намъ совѣстно было бы оправдываться указаніемъ на учебники. Вотъ почему мы считаемъ себя обязанными рассмотреть съ должнымъ вниманіемъ статью г. Костомарова и высказать печатно тѣ убѣжденія наши о началѣ Руси, которыя мы 25 лѣтъ излагали изустно.

Мнѣніе свое о литовскомъ происхожденіи пришедшей къ намъ руси г. Костомаровъ основываетъ: 1) на нашей древней лѣтописи, и 2) на средневѣковыхъ германскихъ лѣтописцахъ. — Выписавъ извѣстное сказаніе Нестора (Полн. Собр. Лѣт. I, 8) объ изгнаніи варяговъ, о посольствѣ «за-море къ Варягомъ къ Руси», и о прибытіи оттуда призванныхъ князей въ землю славянъ и финновъ, авторъ говоритъ (стр. 6): «Прежде рассмотрѣнія самаго факта, слѣдуетъ стать на ту точку зрѣнія, на которой находился лѣтописецъ, чтобъ не приписывать ему того, о чемъ онъ не думалъ, и не выводить изъ сказаннаго имъ того, чего не слѣдуетъ». Затѣмъ, указавъ на византійское происхожденіе имени «Варязи», онъ утверждаетъ, что во времена лѣтописца, въ XI и XII столѣтіяхъ, «подъ варягами разумѣли не одинъ какой-нибудь народъ, а неопредѣленную массу народовъ, жившихъ при морѣ, которое у русскихъ получило названіе Варяжскаго отъ служилыхъ иноземцевъ, проходившихъ черезъ земли русскихъ славянъ» (стр. 7). «Слово варягъ», замѣчаетъ онъ далѣе, «въ XI, XII и XIII вѣкахъ значило въ нѣкоторомъ смыслѣ то же, что теперь слово нѣмецъ у простолюдиновъ, означающее вообще западнаго европейца». Слѣдовательно, по мнѣнію автора, и лѣтописецъ придавалъ этому слову такое же обширное значеніе, т. е. называлъ варягами вообще всѣхъ народовъ, обитавшихъ по берегамъ Балтійскаго моря. Вотъ первое, *основное положеніе*, съ котораго г. Костомаровъ начинаетъ свое изслѣдованіе.

Между этими варяжскими народами на балтійскомъ побережьи былъ одинъ, который у лѣтописца названъ *русью*, и къ которому отправлено было посольство для призванія князей: «Идоша за море къ Варягомъ къ Руси: сиде бо ся зваху тыи Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свое, друзіи же Урмане, Анъгліане, друзіи

Гьте; тако и си» 1). — Хотя это мѣсто лѣтописи, въ которомъ исчислены не всѣ обитатели балтійскаго побережья, а только пять народовъ, названныхъ общимъ именемъ «Варязи», — уже противорѣчитъ положенію г. Костомарова, но это противорѣчіе онъ устраняетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ (стр. 8): «Вѣроятно въ головѣ лѣтописца ихъ (варяжскихъ народовъ) было и больше, да онъ не счелъ нужнымъ здѣсь всѣхъ пересчитывать, потому что привелъ ихъ единственно для того, чтобъ отличить отъ другихъ варяговъ тѣхъ изъ нихъ, которые назывались русь, дабы читающій зналъ, что русь не свѣе, не урмяне, не англяне, не готы и не что другое еще, а русь». Оправдавъ такимъ образомъ свое положеніе, на основаніи котораго можно отыскивать русь во всѣхъ углахъ балтійскаго поморья, авторъ легко находитъ этотъ таинственный народъ на восточныхъ предѣлахъ Пруссіи, при низовьяхъ Нѣмана, т. е. тамъ же, гдѣ и Ломоносовъ отыскалъ своихъ славянскихъ руссовъ. «Русь — говоритъ авторъ — дѣйствительно находилась на балтійскомъ поморьи въ низовьѣ рѣки Нѣмана, которое называется по-литовски Русь. На множествѣ картъ XVI, XVII и XVIII вѣка можно найти эти названія (?). Такъ въ большомъ атласѣ Янсона *истокъ* (?) Нѣмана названъ Русь, а изъ тринадцати устьевъ его третье носитъ названіе *Alt Russe*, а шестое *Russe sive Holm*» (стр. 9). Мы привели это мѣсто буквально, подчеркнувъ нѣкоторыя слова, потому что не совсѣмъ-то понимаемъ, что именно, низовья ли Нѣмана, или истокъ его, или только два устья, или, дѣйствительно, все вмѣстѣ называется *Русь*? и по-литовски ли это, т. е. слово *русъ* литовское ли по своему корню и звуку, или это только русскій переводъ названій, означенныхъ на картахъ? Вѣроятно, на картахъ, о которыхъ здѣсь говорится, названія мѣстъ и рѣкъ латинскія или нѣмецкія; если же рѣка на картѣ надписана по-нѣмецки *Russe*, то развѣ можно назвать ее по-русски *Русь*? Въдѣ это все равно, какъ еслибъ мы какого-нибудь нѣмца, котораго величаютъ *Hepp Gusse*, стали называть *господинъ Гусь*! Право, не ловко! Пожалуй, обидится нѣмецъ. — Впрочемъ, вѣроятно, г. Костомаровъ и не считалъ за нужное передавать эти названія

1) Полн. собр. лѣт. I, 8.

съ ученою точностію и ясностію, очень хорошо понимая, что карты XVI, XVII и XVIII столѣтій не могутъ имѣть никакой доказательной силы тамъ, гдѣ дѣло идетъ о IX вѣкѣ; а потому оставимъ ихъ, и перейдемъ къ другимъ, болѣе важнымъ свидѣтельствамъ о литовской Руси IX вѣка.

Свидѣтельства эти г. Костомаровъ отыскалъ у Петра Дюисбургскаго, лѣтописца прусскаго ордена, у Адама Бременскаго, у Титмара, и у другихъ лѣтописцевъ и біографовъ, изданныхъ Пертцемъ; далѣе, въ двухъ договорахъ Ягелло съ прусскимъ орденомъ, заключенныхъ въ 1422 и 1436 годахъ, у польскаго историка Длугоша и еще въ какихъ-то двухъ нѣмецкихъ лѣтописяхъ. Въ этихъ источникахъ, судя по приведеннымъ изъ нихъ цитатамъ, упоминается: а) о странѣ, называемой *Ruschia, Russia, Ruscia, Ruschigena*, которая лежала на восточной границѣ Пруссіи, въ низовьяхъ Нѣмана, б) о какомъ-то лицѣ *Sudovita dictus Russigenus*, в) о народѣ *Rutheni*, который девять лѣтъ осаждалъ какую-то нагорную крѣпость близъ города Рагниты въ Пруссіи, и наконецъ д) о рѣкѣ, по имени *Russna*, указанной только въ договорахъ Ягелло, при опредѣленіи границъ между Литвою и владѣніями Ордена.

Хотя эти латинскія названія не совсѣмъ-то похожи на *русь* по своему звуку, хотя и самые писатели, у которыхъ они встрѣчаются, принадлежатъ, за исключеніемъ не многихъ, къ довольно позднему времени, такъ же, какъ и упомянутые договоры, и потому едва ли могутъ быть признаны законными свидѣтелями въ тяжбѣ, касающейся IX вѣка; но мы, пожалуй, готовы признать ихъ показанія достаточными, и допустить, что въ IX вѣкѣ при низовьяхъ Нѣмана дѣйствительно жилъ какой-то литовскій народецъ, называвшійся *русь*; даже готовы согласиться, что именно изъ этой руси призваны были три брата «княжить и владѣть нами», но это согласіе мы даемъ только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ—*если позволитъ нашъ почтенный и правдивый Несторъ*, т. е. если онъ допуститъ насъ искать свою русь при устьяхъ Нѣмана, и если согласится признать эту новонайденную, литовскую русь за своихъ варяговъ. Вотъ *conditio sine qua non*;—безъ Нестора ни на шагъ. Надѣмся, что г. Костомаровъ одобритъ наше условіе, потому что онъ и самъ, какъ видно, очень ува-

жаетъ нашего древняго лѣтописца, хотя и не называетъ его нигдѣ по имени.

Итакъ, позволить ли Несторъ, согласится ли онъ признать литовскую русь варягами?—Г. Костомаровъ, кажется, вполне увѣренъ въ его согласіи, потому что эта русь жила при Балтійскомъ морѣ, а лѣтописецъ называетъ варягами всѣхъ прибалтійскихъ народовъ. Да, полно, такъ-ли? Спросимъ-ка лучше самого хозяина. Авось, онъ укажетъ намъ «точку зрѣнія»—не ту, на которую произвольно поставилъ его г. Костомаровъ, а *настоящую*, ту, съ которой онъ дѣйствительно смотрѣлъ на дѣло;—авось, объяснить намъ положительно, кого онъ называетъ варягами, кого не варягами, и гдѣ именно слѣдуетъ искать варяговъ, гдѣ русь? Вотъ его слова, безъ которыхъ въ вопросѣ о варягахъ нельзя ступить ни шагу, и которыя, однакожъ, не приведены почему-то г. Костомаровымъ: «Ляхове же, и Пруси, и Чюдь присѣдять къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдять Варязи сѣмо ко вѣстоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдять къ западу до землѣ Агнянски и до Волошьски; (.)»²⁾

Спрашиваемъ: Ляхове, Пруси и Чудь варяги ли?—Нѣтъ, они только присѣдять къ морю Варяжскому. Но мы знаемъ, что они и въ IX и въ XI вѣкѣ населяли все южное и юго-восточное балтійское поморье, отъ южныхъ предѣловъ Даніи до Финскаго залива. Слѣдовательно, здѣсь нельзя искать варяговъ, здѣсь имъ не было мѣста. Они, конечно, сидѣли по тому же, балтійскому морю, но только на другомъ, противоположномъ берегу, а этотъ берегъ — къ величайшему прискорбію всѣхъ славянофиловъ — *скандинавскій*. Такъ вотъ гдѣ должно искать варяговъ! Замѣтимъ при этомъ, съ какою точностію и опредѣлительностію выражается лѣтописецъ: одни народы у него только «присѣдять къ морю», другіе же «сѣдять по морю», т. е. живутъ не только по берегамъ, но и по самому морю, на островахъ. И мы знаемъ опять, что это совершенная правда: не только во время Нестора, но и задолго до него всѣ острова Балтійскаго моря, за исключеніемъ развѣ ближайшихъ къ южному берегу, были заселены скандинавами, норманнами.—Слѣдовательно, вотъ Несторовы «Варязи»^(*).

2) Полн. собр. лѣт. I, 2.

(*) Въ письмѣ, читанномъ на диспутѣ, г. П. указалъ на слова Несторо-

Но однимъ только указаніемъ мѣста ихъ жительства Несторъ еще недовольствуется. Какъ-будто желая предупредить и отстранить всякіе споры и толки о варягахъ, онъ продолжаетъ (это мѣсто также незамѣчено г. Костомаровымъ): «Афетово бо и то

вой космографіи: «Ляхове же, и Прусь, и Чудь присѣдять къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдять Варязи».... и справедливо замѣтилъ, что этими словами лѣтописецъ ясно исключаетъ Ляховъ, Прусь и Чудь изъ числа варяговъ. На это г. К. возражаетъ (*Дисп.* стр. 279): «Но въ космографіи не высказано ясно, въ какомъ смыслѣ разумѣтся слово «варязи»: вообще ли это жители варяжскаго поморья, или особый народъ по племени; и если послѣднее, то также не ясно, родовымъ или видовымъ именемъ считать это слово.»—Если это «не высказано ясно,» то какое же право имѣлъ г. К. предполагать, будто лѣтописецъ подъ именемъ «варязи» разумѣлъ всѣхъ прибалтійскихъ народовъ? А между-тѣмъ вся его теорія о литовской руси основывается единственно на этомъ шаткомъ, произвольномъ предположеніи, котораго онъ ничѣмъ не подкрѣпилъ ни въ своей статьѣ, ни на бывшемъ диспутѣ. Возражая на письмо г. П. и стараясь доказать неопредѣленность имени «варязи», онъ говоритъ далѣе (тамъ же): «Если бы теперь кто-нибудь писалъ космографію прибалтійскаго края, вѣдь могъ бы онъ написать: «шведы и датчане обитаютъ по берегамъ Балтійскаго моря; берега морскіе заселены прибалтійскими жителями вплоть до устья Торнео». Развѣ въ словѣ «прибалтійскими жителями» вы бы могли узнать о единствѣ этихъ жителей съ датчанами и шведами, или о не сходствѣ ихъ?»—Замѣтимъ, что этотъ «кто-нибудь» говоритъ не сходно съ Несторомъ, что у него складъ рѣчи совсѣмъ другой, и все-таки изъ его словъ г. К. не можетъ ничего заключить касательно принадлежности или не принадлежности шведовъ и датчанъ къ прибалтійскимъ народамъ, а ляховъ, прусъ и чудь признаетъ однако варягами! Но вѣдь этотъ «кто-нибудь» могъ бы, копируя въ точности форму выраженія нашей лѣтописи, сказать: «шведы же и датчане живутъ у (или близъ) Балтійскаго моря; по этому же морю обитаютъ Балтійцы сюда къ востоку до такого-то предѣла, по тому же морю обитаютъ они къ западу до такихъ-то мѣстъ.» Въ такомъ случаѣ имя «Балтійцы» было-бы у него такое же неопредѣленное, какъ и «Варязи» у Нестора, однако могли ли бы мы хоть на минуту усомниться въ томъ, что шведы и датчане, хотя и живущіе близъ Балтійскаго моря, не Балтійцы, что они прямо и ясно исключаются изъ числа послѣднихъ? То же самое должно сказать и касательно ляховъ, пруси и чуди у Нестора. Еслибъ Несторъ дѣйствительно считалъ ихъ варягами же, то онъ навѣрное сьумѣлъ бы выразиться съ такою же ясностію и опредѣлительностію, какъ и вездѣ въ своей лѣтописи: ему стоило бы только приставить передъ «Варязи» словечко «прочіи», т. е. написать: «Ляхове же, и Прусь, и Чудь присѣдять къ морю Варяжскому, по сему же морю сѣдять прочіи Варязи».... и т. д. Но этого словечка, столь необходимаго для прочности

кольно—(:) Варязи:(.) Свей, Урмане, Готъ, Русь, Агняне.(.) Галичане, Волхва, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Вевдици, Фрагове и прочіи(;) доже присѣдять отъ запада къ полуденю и съсѣдяться съ племянемъ Хамовымъ» 3).

Знаки препинанія, поставленные здѣсь въ скобкахъ, принадлежатъ издателю Полн. собр. лѣт., который скопировалъ ихъ изъ «Нестора», изданнаго Тимковскимъ. Мы замѣнили ихъ, какъ явно-неправильные, другими, и потому должны, во первыхъ, объяснить основанія допущенной нами перемѣны.

Предложеніе, начинающееся словами: «Афетово бо» . . . должно быть отдѣлено отъ предъидущаго не точкою, а только точкою съ запятою, потому—что оно содержитъ мысль не самостоятельную, а зависимую, поясняющую имя «Варязи» предъидущаго предложенія, т. е. указывающую, что варяги не народъ, какъ ляхи, прусь, чудь и прочіе прежде-исчисленные, а цѣлое отдѣльное колено Іафетово, состоящее изъ нѣсколькихъ вѣтвей, или народовъ. На такое подчиненное значеніе этого предложенія ясно указываетъ союзъ *бо*, который и въ другихъ мѣстахъ лѣтописи всегда употребляется только въ предложеніяхъ зависимыхъ, поясняющихъ въ какомъ-либо отношеніи предъидущую мысль; напр. «Идоша за море къ Варягомъ къ Руси»—слѣдуетъ объясненіе «сице бо ся зваху тьи Варязи Русь» и проч. Примѣровъ подобнаго употребленія союза *бо* можно привести множество. Двоеточіе должно стоять не впереди, а непременно послѣ имени «Варязи», потому—что это имя, въ отношеніи къ слѣдующимъ за нимъ, есть общее, родовое, что ясно видно изъ другаго

теоріи г. К., нѣтъ ни въ одномъ спискѣ; а потому, какъ совершенно справедливо замѣтилъ самъ же г. К. въ своей статьѣ о началѣ Руси, мы не можемъ «приписывать лѣтописцу того, о чемъ онъ не думалъ» и не должны «выводить изъ сказаннаго имъ того, чего не слѣдуетъ». Еслибъ лѣтописецъ дѣйствительно не высказалъ ясно, въ какомъ смыслѣ должно разумѣть имя «варязи», еслибъ онъ въ своей космографіи послѣ «и до Волошьски» не прибавилъ никакого дальнѣйшаго объясненія о варягахъ, то мы должны бы принять это имя въ томъ же смыслѣ, какъ и прочія, прежде-исчисленные у него имена, т. е. должны бы признать варяговъ отдѣльнымъ народомъ; но и этого показанія, которымъ, какъ увидимъ, лѣтописецъ однако не ограничивается, было бы совершенно достаточно для того, чтобъ не считать ляховъ, прусь и чудь варягами.

3) Полн. собр. лѣт. I, 2.

мѣста лѣтописи (Полн. собр. лѣт. I, 8), гдѣ говорится, что одни варяги назывались русь, другіе называются свеи, третьи урмане и проч. Если бы лѣтописецъ хотѣлъ выразить здѣсь—какъ выходитъ по прежней пунктуациі—слѣдующую мысль: «сверхъ вышеисчисленныхъ народовъ, къ Іафетову колѣну принадлежать еще и нижеслѣдующіе: Варязи, Свеи»... и проч., то онъ, во первыхъ, не могъ бы употребить союза *бо*, по причинѣ, сейчасъ нами объясненной, во вторыхъ, не могъ бы повторить имени «Варязи», уже упомянутаго выше, и въ третьихъ, сказалъ бы не *то колѣно*, а *се колѣно*; потому-что онъ въ другихъ мѣстахъ своей лѣтописи строго соблюдаетъ различіе между *то* и *се*: первое у него всегда указываетъ на отдаленное, прошедшее, вышесказанное, а второе на ближайшее, настоящее, нижеслѣдующее. Посему мы читаемъ это мѣсто по Лвр. списку такъ: Афетово *бо* (есть) и *то* (оное, вышеупомянутое) колѣно, т. е. Варязи (кои суть): Свеи»... и пр. Если кому не нравится тире (—), поставленное нами вмѣсто *то есть* передъ «Варязи», тотъ можетъ, пожалуй, замѣнить его запятою, или можетъ не поставить никакого знака, написавъ только «Варязи» курсивомъ, ибо все дѣло въ томъ, чтобы отличить это названіе какъ родъ, какъ цѣлое отъ слѣдующихъ за нимъ видовъ, или частей, съ которыми оно никакъ не можетъ быть поставлено, такъ-сказать, на одну доску. Впрочемъ, должно замѣтить, что Лвр. списокъ неточно выражаетъ здѣсь мысль лѣтописца: «Афетово *бо* и *то* колѣно—Варязи» указываетъ, что и преждеисчисленные имена также означаютъ колѣна, и что къ нимъ прилагается *еще оное* колѣно Варязи; но лѣтописецъ не то разумѣетъ, онъ именно различаетъ «Варязи», какъ колѣно Афетово, отъ прежденазванныхъ народовъ, живущихъ въ Іафетовой части, слѣдовательно союзъ *и* здѣсь совершенно лишній, и первоначальное подлинное чтеніе должно быть: «Афетово *бо* колѣно *то* Варязи», чтеніе, уцѣлѣвшее въ Рдз. и Трц. спискахъ 4). Сколько же вѣтвей или народовъ причисляетъ лѣтописецъ къ Іафетову колѣну, называемому «Варязи»? Основываясь, во первыхъ,

4) Вотъ всѣ чтенія этой фразы въ нашихъ спискахъ: «афетово *бо* и *то* колѣно—варязи» Лвр., афетово же колѣно и *то* вар.... Ил., аф... *бо* кол. и *то* вар.... Хл. Сф. Ник., аф. *бо* колѣно вар... Векр., «афетово *бо* колѣно *то* варязи» Рдз. Трц.